

обстоятельств, никакой прочной пользы нельзя принести им, и самые многообещающие планы кончаются лишь увеличением числа, а не увеличением благосостояния народа. Под их нормальной мерою благосостояния понимаю я такое положение, до которого они будут, но ниже которого не захотят они размножаться (если есть такое положение). Каждый шаг их вперед в воспитании, цивилизации, улучшении общественных отношений возвышает эту меру, и нет сомнения, что она постепенно, хотя медленно, возвышается в передовых странах Западной Европы. Продовольствие и занятие для труда никогда не возрастали в Англии быстрее, чем в последние 30 лет; но с 1821 года каждый новый ценс показывает меньшее возрастание населения, чем в предыдущий период⁷⁹; масса продуктов земледелия и промышленности в Англии возрастает в прогрессивной пропорции, а пропорция рождающихся к существующему населению с каждым пятилетием становится меньше прежнего.

Впрочем, мы отложим до другого места разбор вопроса о населении по связи его с положением рабочих сословий; здесь нам должно было рассматривать население только как один из элементов производства; с этой точки зрения мы должны были указать бесконечную силу возрастания, составляющую естественное свойство населения, и причины, по которым почти всегда осуществляется лишь очень незначительная часть этой безграничной способности. Сделав это краткое указание, мы должны перейти к другим элементам.

Глава XI

Закон возрастания капитала

1. В предыдущей главе мы видели, что из трех элементов, нужных для производства (труд, капитал и земля), первый, труд, не составляет препятствий возрастанию производства. Со стороны труда нет никаких задержек производству возрастать до беспредельной величины с неослабною быстротою. Население имеет способность увеличиваться по однообразной геометрической прогрессии. Если бы единственным условием производства был труд, оно могло бы и, натурально, стало бы увеличиваться в той же прогрессии, и не было бы этому никаких границ до того предела, когда число людей не могло бы уже возрастать по фактическому недостатку места.

Но производство имеет еще другие условия; из них сначала мы рассмотрим капитал. В известной стране, или на всем земном шаре, не может существовать больше людей, чем в состоянии продовольствоваться продуктом прежнего труда до получения нового продукта. В известной стране, или на всем земном шаре, не может быть производительных работников больше, чем сколько в состоянии продовольствоваться тою частью продукта прошлого труда, которая сбережена своим владельцем для воспроизведения, а не растрочена на его удовольствия, и которая называется капиталом. Итак, прежде всего следует нам теперь разобрать условия возрастания капитала, причины, которыми определяется быстрота его возрастания, и неизбежные границы этого возрастания.

Весь капитал — продукт сбережения, то есть отсрочки немедленного потребления для будущей пользы; потому возрастание капитала должно зависеть от двух вещей: от массы вещей, из которой может быть сделано сбережение, и от силы расположения, влекущего делать сбережение.

Масса, из которой может быть сделано сбережение, есть излишек продукта труда, остающийся за удовлетворением первых жизненных надобностей всех людей, занимавшихся производством (считая тут людей, трудившихся над возобновлением израсходованных материалов и над ремонтом основного капитала). Количество большее, чем этот излишек, не может быть сбережено никаким образом. Но этот излишек всегда может быть сбе-

режен весь, хотя никогда весь не сберегается. Он служит фондом, из которого берутся продукты на удовольствия, не принадлежащие к первым потребностям жизни производителей; из которого продовольствуются все, не участвующие лично в производстве; из которого, наконец, делается приращение капитала. Он составляет действительный чистый продукт страны. Выражение «чистый продукт» часто берется в более тесном смысле, обозначая только прибыль капиталиста и ренту землевладельца, — это происходит от мнения, будто бы чистым продуктом капитала можно считать только то, что составляет выручку, получаемую владельцем капитала за покрытием его издержек. Но это понятие слишком узкое. Капитал хозяина составляет доход работников, и если этот доход превышает первые потребности жизни, он дает работникам излишек, который они могут израсходовать на удовольствия или сберечь. Этот излишек должен включаться в чистый продукт промышленности со всех тех точек зрения, с которых нам будет случай говорить о чистом продукте. Только тогда, когда он включается в чистый продукт, чистый продукт страны служит мерилом ее фактической силы, мерилом того, сколько может она сберегать на общепользные дела или на удовлетворение надобностям частных людей, мерилом той части продукта, которой может свободно располагать страна, которую может она обращать на достижение каких-нибудь целей или на удовлетворение каким-нибудь желаниям правительства или частных людей, которую может она или растрачивать на свои удовольствия или сберегать для пользы в будущем.

Величина этого фонда, этого чистого продукта, этого избытка производства над первыми материальными надобностями производителей служит одним из элементов, определяющих величину сбережения. Чем больше остается продукта за продовольствием работников, тем больше может быть сбережено. Тем же самым отчасти определяется и количество, какое будет сбережено. Часть побуждения сберегать состоит в расчете извлекать доход из сбереженного; в том факте, что капитал, употребляемый на производство, имеет способность не только сохраняться, но давать приращение. Чем большая прибыль может быть получена от капитала, тем сильнее побуждение накапливать его. Правда, побуждение сберегать производится не всем чистым продуктом, производимым землею, капиталом и трудом страны, а только частью, которая образует вознаграждение капиталиста и называется прибылью его. Но очень понятно, даже и без объяснений, какие будут нами впоследствии представлены, что если общая производительность труда и капитала велика, то и выручки капиталиста, по всей вероятности, будут велики, и что между этими двумя вещами, величиною общего чистого продукта и величиною прибыли, должна существовать пропорциональность, хотя и не всегда равномерная.

2. Но склонность к сбережению не вполне зависит только от внешнего побуждения к нему, только от величины прибыли, доставляемой сбережением. При одинаковости денежного побуждения эта склонность в разных лицах и в разных обществах очень различна. Сила деятельного стремления накапливать богатства изменяется не только по различиям личных характеров, но и по разности общего положения страны и ее цивилизации. В этом, как и во всех других нравственных качествах, человеческий род представляет большие различия, по разнице обстоятельств и по степени прогресса.

Хорошо бывает, когда, говоря о предметах, полное исследование которых превышает размеры, даваемые для разбора их объемом трактата, имеешь возможность сослаться на другие книги, в которых предмет, требующий разъяснения, изложен с большею полнотою. По вопросу о населении эту полезную услугу оказывает знаменитая книга Мальтуса; по предмету, занимающему нас теперь, я могу с такою же уверенностью сослаться на другую книгу, менее известную: *New Principles of Political Economy*, мистера Ре*.

* Это сочинение служит одним из очень нередких примеров того, что успех книги гораздо больше зависит от случая, чем от ее достоинства. Если бы трактат Ре явился во время, благоприятное успеху, он был бы най-

Из всех известных мне книг ни одна не разъясняет так хорошо историческими фактами и логическими доводами причины, действием которых определяется накопление капитала.

Всякое накопление состоит в пожертвовании настоящим благом для будущего. Но выгодность такого жертвования очень различна, а в охоте к нему бывает еще больше разницы при различных обстоятельствах.

При извещивании будущих выгод по сравнению с настоящим, главное дело — неверность всего будущего; степень этой неверности бывает очень различна. Потому «все обстоятельства, увеличивающие вероятность того, что нашими запасами в будущем действительно воспользуемся мы сами или воспользуются люди, нами избранные», справедливо и основательно «усиливают практическое стремление к накоплению. Таким образом, здоровый климат, здоровое занятие, увеличивая вероятность продолжительной жизни, ведет к увеличению этой стоимости. Люди, посвятившие себя здоровым занятиям и живущие в здоровых странах, гораздо более способны к бережливости, чем люди, находящиеся в нездоровых или опасных занятиях, живущие в климатах, вредных для человека. Матросы и солдаты расточительны. В Вест-Индии, в Новом Орлеане, Ост-Индии господствует расточительный образ жизни. Но те же люди, переселившись в здоровые страны Европы, начинают жить экономно, если не попадут в водоворот безумного светского мотовства. Война и повальные болезни всегда приводят за собою, в числе других зол, мотовство и роскошь. Точно так же благоприятствует усилению бережливости все то, что упрочивает безопасность общественных дел. В этом отношении сильное влияние принадлежит общему господству законности и порядка, вероятности продолжительного мира и спокойствия» (Ре, стр. 123). Чем полнее безопасность, тем больше силы будет в деятельном стремлении к накоплению. Где собственность небезопасна или где часты разорительные катастрофы, там немногие будут сберегать, да и те, которые станут сберегать, будут находить побуждение к этому не иначе, как только при высоком проценте прибыли на капитал: только высокая процентная может заставлять их предпочитать сомнительное будущее соблазну настоящего наслаждения.

Вот соображения, по которым рассудок решает, удобно ли бывает заботиться о будущих выгодах на счет настоящего. Но расположение делать это жертвование зависит не от одной выгодности расчета. Наклонность к сбережению часто бывает гораздо слабее, нежели как требовал бы рассудок; в другие времена она превосходит меру рассудительности.

Недостаток силы в стремлении к сбережению может происходить от непредусмотрительности о самом себе или от беззаботности о других людях. Непредусмотрительность может зависеть от умственных и от нравственных причин. Отдельные люди и общества на очень низкой степени умственного

ден вполне заслуживающим большого успеха. Автор (шотландец, поселившийся в Соединенных Штатах) соединяет с обширными знаниями оригинальность мыслей, замечательную способность делать общие философские выводы, способ изложения и разъяснения, придающий идеям всю ту цену, какую они имеют, и даже несколько большую цену, чем какую они имеют (это иногда увлекало, как мне кажется, и мысль самого автора). Главный недостаток книги — антагонизм, в который ставит себя автор к Адаму Смиту, в духе любви к спору, часто встречающейся в людях, имеющих новые мысли о старых предметах. Я называю это недостатком (хотя считаю многие из возражений Ре справедливыми и некоторые очень проницательными), потому что на самом деле различие в мыслях Адама Смита и Ре гораздо меньше, чем можно бы предполагать по резким замечаниям самого Ре. Ошибки, открываемые им у его великого предшественника, ограничиваются преимущественно тем, что Адам Смит, по человеческой слабости, высказывал свои послышки слишком безусловно, так что иногда говорит в них гораздо больше, чем нужно ему для доказательства выводов. — *Прим. авт.*

развития всегда непредусмотрительны. Судя по всему, известная степень умственного развития необходима для того, чтобы отдаленные соображения и в особенности соображения о будущем имели какую-нибудь силу над воображением и волею. Что недостатком заботливости о других уменьшается склонность к сбережению, в этом согласится каждый, подумав, как много делается ныне сбережений, имеющих свою целью не столько наши собственные выгоды, сколько выгоды других: воспитание детей, устройство их карьеры, будущие интересы других родных, желание помочь деньгами или временем осуществлению вещей, полезных для общества или частных лиц. Если бы люди постоянно имели то расположение мыслей, к которому несколько приближались они в период падения Римской империи⁸⁰, — если бы они вовсе не заботились ни о своих детях, ни о друзьях, ни об обществе, ни о чем, что будет после них, то они редко отказывали бы себе в каком-нибудь наслаждении для сбережения, превышающего меру необходимости их будущих лет, а этот запас они обращали бы в пожизненные доходы или в какую-нибудь иную форму, по которой их имущество кончалось бы вместе с их жизнью.

3. По этим умственным и нравственным причинам, между разными отделами человеческого племени существует большая разница в силе деятельного стремления к сбережению, и разница эта больше, чем обыкновенно думают. Общее низкое положение цивилизации часто бывает следствием не столько других причин, обращающих на себя больше внимания, сколько недостатка именно этой склонности. Например, в положении охотничьего племени, «человек, можно сказать, по необходимости непредусмотрителен и беззаботен о будущем, потому что в этом состоянии будущее не представляет ничего такого, что можно бы наверное предусмотреть, что зависело бы от человека... Кроме недостатка побуждений обеспечивать нужды будущего средствами настоящего, у человека тут недостает в соображении и в деятельности привычки постоянно связывать в уме отдаленное будущее с настоящим и представлять ряд событий, которыми соединяются они. Потому, если даже являются у него побуждения, могущие произвести эту мысленную связь, ему нужно еще приучить себя думать и действовать так, чтобы эта связь получила прочность в его мыслях».

Вот пример тому: «По берегам реки св. Лаврентия стоит несколько маленьких индийских деревень. Они вообще окружены большими пространствами земли, на которых лес истреблен, повидимому, уже давно; кроме того, к ним принадлежат обширные леса. Расчищенная земля почти вовсе, можно сказать, не возделывается, и в лесах не проложено путей к полям. А между тем земля плодородна; да если б и не была плодородна, удобрение кучами лежит подле их домов. Если бы каждое семейство огородило пол-экра земли, вспахало его, засадило картофелем или засеяло мансом, этот участок дал бы семейству продовольствие на целые полгода. Но они от времени до времени подвергаются крайней нужде; она, вместе с пьянством, которому они предаются, когда могут, быстро уменьшает их число. Эта странная для нас апатия главным образом происходит не от нелюбви к труду; напротив, они работают очень усердно, если вознаграждение следует за трудом немедленно. Кроме своих специальных занятий охотой и рыболовством, они много работают на больших лодках, ходящих по реке св. Лаврентия: нанимаются гребцами на них или водят их на шестах: они всегда доставляют большую часть прибавочных работников, нужных для проведения плотов по быстрым местам. Не производится их апатия и отвращением к земледельческому труду. Правда, есть у них предубеждение против него, но предубеждения всегда уступают нужде, трудно рождаются только принципам образа действий. Когда вознаграждение за земледельческий труд быстро и велико, они становятся и земледельцами. На озере св. Франциска, близ индийской деревни Сен-Реджиса, есть маленькие острова, удобные для посева манса, растения, дающего урожай сам-100 и доставляющего, даже в незрелом виде, приятное и питательное блюдо. Они каждый год засевают клоч-

ки лучшей земли на этих островах, чтобы есть полусозревший маис. По своему положению эти посевы недоступны скоту, потому не нужно огораживать их; если бы нужна была эта прибавка к труду, я думаю, они пренебрегли бы островами, как пренебрегают местами подле своих деревень. Места эти прежде были, повидимому, под посевом. Но теперь скот соседних колонистов стал бы уничтожать неогороженные посевы, и надобность в этом прикормочном труде заставила их отказаться от возделывания. Она требовала от них работы, вознаграждение за которую приходит с медленностью, непропорциональную силе деятельного стремления к накоплению в этом маленьком обществе.

«Замечательно то, что работы, за которые они принимаются, они исполняют очень заботливо. Они прекрасно полют и копают свои небольшие посевы. Они увидели из опыта, что самая небольшая небрежность в этом отношении сильно уменьшает урожай, и поступают сообразно с этим наблюдением. Явным образом только отдаленность вознаграждения за труд, а не тяжесть самого труда мешает им расширить свои пашни. Я слышал, что некоторые из племен, живущих далее в глубину страны, употребляют на земледелие даже гораздо больше труда, чем белые. Они засевают все одни и те же участки, не удобряя их: потому земля не родила бы ничего, если бы самым заботливым образом не растирали ее в порошок и заступом и руками. Белый человек на их месте расчистил бы новый участок, который, вероятно, едва вознаграждал бы его работу на первый год; но он дождался бы себе вознаграждения в следующие годы. Индийцу следующие годы кажутся так далеки, что не производят на него сильного впечатления, а для вознаграждения, получаемого через несколько месяцев, он работает усерднее белого человека» (Рс, стр. 136).

Этот рассказ подтверждается опытом иезуитов в их интересных усилиях цивилизовать парагвайских индейцев⁸¹. Они возбудили к себе в этих дикарях чрезвычайное доверие, приобрели на них такое влияние, что изменили весь образ их жизни. Индейцы во всем слушались их, безусловно повиновались им. Иезуиты водворили мир между ними. Они научили их всем операциям европейского земледелия и многим из труднейших искусств. Повсюду выдвигались у них, говорит Шарльвуа, «мастерские ювелиров, живописцев, скульпторов, часовщиков, столяров, плотников, красильщиков и проч.». Эти работы производились не в личную пользу ремесленников; продукт их был в полном распоряжении миссионеров, управлявших народом деспотически, по его доброму согласию на то. Итак, препятствия, возникавшие из отвращения от труда, были совершенно побеждены. Существенным затруднением была непредусмотрительность индейцев, их неспособность думать о будущем и возникавшая из того необходимость самого неослабного и мелочного надзора за ними со стороны их учителей. «Например, если миссионеры оставляли на их собственную заботу волов, которыми они пахали, индейцы в своей несообразительной беззаботности могли оставлять их на ночь не выпряженными из плуга. Бывали примеры и хуже того: индейцы резали волов себе на ужин и, слыша упрек за это, думали, что достаточно оправдываются, говоря: нам хотелось есть... Отцы миссионеры, по словам Уллоа, должны ходить по их домам, осматривая, что им нужно: без того индейцы ни о чем не позаботились бы. Миссионерам надобно находиться и при резании скота, смотреть, чтобы мясо делилось поровну и чтобы часть его не бросалась». — «Но при всей заботливости этого надзора, говорит Шарльвуа, при всех своих предосторожностях для предотвращения недостатка в первых потребностях жизни, миссионеры бываю иногда в большом затруднении. Индейцы часто не оставляют себе нужного запаса пищи, даже на посев. А если бы не смотреть за ними, они вообще оставили бы себя без всяких средств к поддержанию жизни» (стр. 140).

Китайцы заслуживают внимания, как представители того состояния силы ~~делательного~~ стремления к накоплению, которое занимает средину между описанным теперь положением дел и европейскими обычаями. Судя по многим особенностям их личных привычек и общественного положения, можно

предположить, что они владеют благоразумием и умением обдумывать свой образ действий больше других азиатцев и меньше европейцев. Вот свидетельство, доказывающее, что это так.

«Прочность работ — одно из главных качеств, обозначающих высокую степень деятельного стремления к накоплению. По свидетельству путешественников, прочности в китайских работах гораздо меньше, чем в соответствующих им европейских. Говорят, что за исключением жилищ высшего сословия, дома у китайцев строятся вообще из сырого кирпича, глины, из плетня, набитого землею, а потолки из тростника, привязанного к перекладинам. Трудно представить себе постройки, менее фундаментальные и прочные. Перегородки в домах делаются из бумаги, которую надобно переменять каждый год. То же надобно сказать о их мебели, посуде и других орудиях: они почти все делаются из одного дерева, металлов очень мало входит в их состав; потому они скоро портятся и совершенно ломаются. Если б у них было больше силы в деятельном стремлении к накоплению, они делали бы свои орудия из материалов, выделка которых требует большого расхода, но которые зато гораздо прочнее. По этому же самому у них остается невозделано много такой земли, которая в других странах обрабатывалась бы. Все путешественники говорят, что в Китае лежат заброшены большие пространства земли, в особенности болотистой. Обратить болото в пашню — дело, вообще требующее нескольких лет. Место предварительно нужно осушить канавами, потом надолог оставить сушиться солнцем, и надобно долго хлопотать над ним, пока оно станет давать жатву. Жатва на нем бывает обыкновенно очень изобильна, но бывает надобно долго ждать этого вознаграждения. Возделывание такой земли требует больше силы деятельного стремления к накоплению, чем имеют китайцы.

«Продукт жатвы всегда бывает запасом на будущее, средством удовлетворения будущих нужд, и поступать с ним должно по общим правилам, которых требует употребление запасов. Главная жатва в Китае — рис; она бывает два раза в год, в июне и октябре. Потому запас должно делать на восемь месяцев, от октября до июня, и предусмотрительность китайцев должна цениться по уменью их ограничивать себя в начале этого времени, чтобы не нуждаться в конце его. По всему видно, что ограничивать себя они умеют очень плохо. Патер Переннен (долго живший в знакомстве с китайцами всех сословий и притом один из самых умных людей между иезуитами, бывшими в Китае) утверждает, что у них в этом отношении очень недостает предусмотрительности и умеренности и что недостаток ее причина частых голодных годов, бывающих в Китае».

На китайцах еще виднее, чем на полу-обратившихся к земледелию индийцах, что возрастанию производства мешает у них недостаток не трудолюбия, а предусмотрительности. «В тех вещах, где вознаграждение следует за трудом скоро, где работы таковы, что скоро дают результат, для которого производятся, большие успехи, сделанные китайцами в искусствах, образных с природою их страны и их нуждами, дают энергию и успешность их промышленности. «Благодаря теплomu климату, естественному плодородию почвы, приобретенному жителями знанию того, какие земледельческие продукты дают выгоднейший урожай, китайцы почти из всякого клочка земли умеют очень быстро извлекать продукт, которым, по их мнению, с избытком вознаграждается труд ее обработки. Они собирают в год обыкновенно две, иногда три жатвы. Обыкновенный посев у них рис — хлеб очень плодородный, и при их искусстве он, разумеется, дает очень обильные сборы почти на всякой местности, которую можно обратить под пашню без долгого труда. Потому нет в Китае куска земли, которая не была бы под посевом, если только можно засеять ее без долгих подготовлений. Китайцы взбираются на холмы, даже на горы и обращают их в террасы; вода, главное условие плодородия в их земле, проводится на каждый кусок нивы канавами или поднимается очень удобными и простыми машинами, которые с незапамятных времен употребляются этим странным народом. Дело это очень облегчается для них тем, что почва даже по горам очень

глубока и покрыта толстым слоем растительных остатков. Но еще замечательнее охота, с какою они обращают в пригодные для них вещи неудобные для обработки материалы, если труд скоро может принести результат, для которого совершается. Свидетельством тому служат часто встречающиеся на их озерах и реках постройки, подобные пловучим садам перувианцев, — плоты, покрытые растительною землею и служащие нивами. Труд очень скоро тут извлекает выручку из материалов, над которыми работает. Нельзя представить ничего роскошнее растительности на этой богатой почве, когда быстрому действию благоприятного солнца помогает обилие влаги. Но мы уже говорили, что не так бывает, когда вознаграждение за труд далеко, хотя и обильно. Европейские путешественники изумляются, видя эти маленькие пловучие фермы подле болот, которые для превращения в нивы нужно было бы лишь осушить; им странно кажется, что китайцы употребляют свой труд не на материк, где его результаты были бы долговечны, а на сооружения, портящиеся и пропадающие в несколько лет. Но китайцы думают о будущих годах меньше, чем о настоящем лете. Для настоящего у них много, для будущего мало силы деятельного стремления к накоплению. Соображения европейца простираются на отдаленное будущее, и он дивится на китайцев, которые своей непродумательностью и недостатком заботы об отдаленных годах осуждены на вечную тяжелую работу и на бедность, кажущуюся ему невыносимой. Горизонт китайцев не имеет такой обширности. Они довольствуются тем, чтобы жить со дня на день, и привыкли даже тяжелую жизнь считать счастьем» (Ре, стр. 151—155).

Когда страна довела свое производство до размера, в каком, при существующем состоянии знаний, оно дает сумму выручки, соразмерную средней силе деятельного стремления к накоплению в этой стране, она достигла того, что называется неподвижным состоянием, — достигла такого состояния, при котором уже не будет делаться прибавлений к капиталу, если не произойдет или улучшения в производительных искусствах, или увеличения в силе стремления к накоплению. При неподвижном состоянии, хотя сумма капитала и не увеличивается в обществе, но из отдельных людей одни становятся богаче, другие беднее. Люди, в которых степень запасливости ниже общего уровня, беднее, их капитал погибает и оставляет место для сбережений, делаемых людьми, в которых деятельное стремление к накоплению выше общего уровня, и которые, натурально, становятся покупателями земель, фабрик и других орудий производства, принадлежавших менее запасливым их соотечественникам.

От каких причин происходит то, что выручка за капитал в одних странах бывает больше, чем в других, и почему при известных обстоятельствах прибавочному капиталу становится невозможным найти себе помещение иначе, как с понижением выручки, это разъяснится в одном из следующих отделов. Если справедливо мнение, что Китай достиг неподвижного состояния, значит, накопление капитала уже прекратилось в нем на степени очень высокой выручки, — как высока она, показывается тем, что в Китае величина процентов по закону 12, а в действительности, как говорят, от 18 до 36. Потому надобно полагать, что количество капитала, большее существующего ныне в этой стране, не может найти себе занятия с такою высокою пропорциею прибыли, а прибыль менее высокая не представляет китайцу такой привлекательности, чтобы он отказывался для нее от настоящего наслаждения. Какая противоположность с Голландиею, где в цветущий период правительство занимало деньги по 2 процента, а частные люди с хорошим обеспечением по три процента! Китай не такая страна, как Бурма или государства индийских раджей, где громадность процента служит необходимым вознаграждением за риск, которому подвергают кредитора недобросовестность или бедность государства и почти всех частных должников. Потому, если действительно справедливо, что возрастание капитала остановилось в Китае при такой огромности вознаграждения, это значит, что у китайцев деятельное стремление к накопле-

нию, иначе говоря, умение ценить будущее по сравнению с настоящим, гораздо слабее, чем почти у всех без исключения европейских народов.

4. До сих пор мы говорили о странах, в которых средняя сила стремления к накоплению не достигает размера, одобряемого разумом и здравым расчетом при существовании порядочной безопасности. Теперь нам надобно сказать о других, в которых она решительно превышает эту меру. В тех странах Европы, которые отличаются особенным благосостоянием, можно найти множество людей расточительных; в некоторых из них (и особенно в Англии) обыкновенная степень экономии и предусмотрительности между людьми, живущими физическим трудом, не может быть названа высокою; но есть в этих странах многолюдная часть общества, в которой дух накопления так силен, что признаки быстрого возрастания богатств бросаются в глаза каждому. Эту часть общества составляют сословия фабрикантов, торговцев и люди свободных профессий, — сословия, которые, вообще говоря, имеют больше средств и больше побуждений к сбережению, чем другие сословия. Огромность капитала, ищущего занятий в этих странах, возбуждает удивление, когда особенные обстоятельства, привлекающая значительную часть его на один путь, например, на построение железных дорог или на спекуляции заграничными фондами, обнаруживают великость всей его массы.

В Англии много обстоятельств, придающих особенную силу этой склонности к накоплению. Англия давно избавлена от военных опустошений; в ней раньше, чем в других землях, собственность оградилась от военного насилия и произвольного грабежа; от этого возникла давняя, наследственная уверенность в безопасности имущества, на время передаваемого владельцем в чужие руки; в других странах эта уверенность почти везде не так стара и менее твердо упрочилась. Географические причины, заставившие Великобританию искать могущества и значения больше в промышленности, чем в природных средствах, обратили к фабрикам и торговле большую пропорцию самых предприимчивых и энергических характеров, чем в других странах; они стали удовлетворять своим надобностям и честолюбию производством и сбережением, а не присвоением произведенного и сбереженного другими. Много тут зависело и от хороших политических учреждений Англии: давая простор индивидуальной свободе действия, они ободрили людей в деятельности и надежде на самих себя, а свободу, какую предоставляют образованию товариществ, они облегчают возникновение больших промышленных предприятий. С другой стороны, те же самые учреждения дают самое прямое и сильное возбуждение стремлению обогащаться. Ранний упадок феодализма устранил или очень ослабил ненавистное различие между сословиями, коренное занятие которых — промышленность, и сословиями, привыкшими презирать их. Возникла политическая система, делающая богатство истинным источником политического влияния, и богатство, независимо от своей внутренней цены, получило еще другую, фиктивную. Оно стало синонимом власти, а власть, приписываемая предмету общественным мнением, дает ему и действительную власть; потому богатство стало главным источником личного высокого положения, мерилом и свидетельством успеха в жизни. Подняться из одного общественного круга в другой, высший круг — вот главная цель людей среднего сословия в Англии; а средством к тому служит богатство. Но быть богатым, не работая, до сих пор постоянно считается положением более почетным, чем приобретать богатство трудом; потому целью честолюбия становится то, чтобы вести свои сбережения до размера, не только дающего большой доход при промышленном употреблении, но и по прекращении промышленных занятий доставляющего изобильный доход владельцу, живущему реализованным имуществом. Действие этих причин очень усиливается в Англии тою чрезвычайно неспособностью народа к личному наслаждению, которая составляет отличительную черту стран, испытавших влияние пуританства. Но, облегчаясь слабостью влечения к удовольствиям, накопление затруждается в Англии сильною любовью к

расходам. Связь между личною важностью человека и видом богатства так тесна, что пошлое желание блистать большими расходами имеет силу страсти в многочисленных членах известных сословий такой нации, которая, вероятно, меньше всех наций целого света получает удовольствия от расточительности. От этого обстоятельства деятельное стремление к накоплению никогда не достигало в Англии такой высокой энергии, как в Голландии, где нет праздных богатых сословий, подающих примеры безрассудного мотовства, и промышленный класс, владевший тою существенною силою, с которою всегда соединено влияние на общество, имел свободу установить свою собственную норму образа жизни и приличий, а потому привычки общества остались экономны и нетщеславны.

Итак, в Англии и в Голландии стремление к накоплению давно уже имеет такую силу, что для своего действия не нуждается в обильных выручках, которые нужны ему в Азии. Теперь другие европейские страны, быстро следующие примеру Англии в этом отношении, почти все дошли также до подобного развития. Стремление к накоплению возбуждается к действию в этих странах столь низким процентом прибыли, что накопление не замедляется с течением времени, а, напротив, идет, судя по всему, быстрее, чем когда-нибудь, и второе условие для возрастания производства, возрастание капитала, не показывает никакого признака, что может стать недостаточным. Насколько зависит производство от этого элемента, возможности возрастания производства нельзя назначить никакого предела.

Прогресс накопления, конечно, значительно задержался бы, если бы выручка с капитала спустилась еще ниже, чем теперь. Но каким образом возрастание капитала может вести к такому последствию? При этом вопросе мысль обращается к последнему из трех условий производства. Граница производству не полагается существованием необходимого предела для первых двух элементов, для труда и капитала; потому она должна заключаться в качествах единственного из этих элементов, по самой сущности своей ограниченного в своем количестве. Граница производству должна полагаться качествами земли.

Глава XII

Закон возрастания продукта от земли

1. От других элементов производства, от труда и капитала, земля отличается тем, что не может возрастать безгранично. Ее пространство ограничено, а пространство производительнейших сортов ее еще больше ограничено. Очевидно также, что не неограниченно и количество продукта, которое можно получить на данном пространстве земли. Эта ограниченность количества земли и ограниченность ее производительности составляют истинные границы возрастанию производства.

Конечно, всегда люди ясно понимали, что эти две границы последний предел возрастанию производства. Но никогда не бывало ни одного примера, чтобы производство достигало этого окончательного предела: нет страны, в которой вся земля, способная производить пищу, возделана в таком совершенстве, что нельзя было бы (даже и без новых успехов в земледельческом знании) получить с нее больше продукта, чем теперь; а значительная часть земной поверхности остается еще совершенно невозделана. Потому обыкновенно думают (и очень натурально предполагать это с первого взгляда), что для настоящего времени всякое ограничение производства или населения с этой стороны находится на неизмеримом расстоянии от нас, и что должны протечь века, пока возникнет практическая необходимость принимать в серьезное соображение закон этого ограничения.

Я полагаю, что это ошибка, и притом самая серьезная из всех ошибок, какие только встречаются в области политической экономии. Вопрос этот